

ИСТОРИЯ

Майя Крылова

Дата

ЭТО БЫЛО удивительное поколение. Они садились любовно любовно любил сцену. Не так, как мы. У нас прежде всего прагматика: «Что мне это может дать?» У них — «что я могу дать балету?» Отец относился к своей профессии как к священнодействию, как будто он на свет родился, чтобы исполнить эту миссию. Он не просто так написал в своей книге: «Меня во многом можно обвинить, но в одном меня никто не может упрекнуть: в равнодушии. В своем искусстве я всегда делал по максимуму». Когда отец уже не танцевал ведущие партии, он хотел исполнять мимические, что угодно, лишь бы продолжать работать. Представляете, какая преемственность могла быть в театре, если бы актеры такого класса существовали на сцене вместе с молодежью?

— Почему в начале 80-х творческие проблемы Мариса Лиены в ГАБТе и вне ГАБТа так глобально обострились?

— Если говорить о конфликте, то это была ситуация, которая не могла в то время разрешиться иначе. Отец ведь не дожидаясь Перестройки, до открытых границ. Когда его отлучили от Большого, у него были приглашения со всего мира — Марго Фонтейн, например, звала его работать в Англию. Но ему ничего не разрешили. Хотел вернуться в родную Ригу, куда его пригласили было на должность главного балетмейстера. Он загорелся этой идеей, стал обдумывать, кого из хореографов пригласить на постановки. Но в последний момент из Москвы прислали указание — запретить. И ему, уже поселившемуся в Риге, отказали, даже без объяснения причин.

Сейчас в Рижском оперном театре чтут его память, хотят сделать фестиваль балета его имени, поставить бюст. А тогда... Он уехал в Софию «по высочайшему разрешению» (считал это ссылкой), мы писали друг другу письма, много писем. Отец был человеком настроения, его строки — это эмоции момента. То подъем — «все прекрасно», а то вдруг — страшно: «Я подыхаю».

— Но все-таки за что его так не любили власть имущие?

— Он попал под пресс системы. Да мы все были в одной ситуации, все — винтики громоздкой машины, все проходили выездные комиссии. Он — член КПСС, значит, был повод «строго спрашивать» с него, все закулисные дела сразу на отца отражались. Все давалось невероятными усилиями, беготней по кабинетам. Он тратил драгоценное время на Шауро, Демичева и прочих, им подобных. В дневниках отца то и дело встречаешь записи: «Сегодня пытался попасть к такому-то. Не принял».

— Он стремился доказать свою лояльность?

— Мы с братом Андрисом сейчас готовим к изданию на русском языке книгу отца, которая в 1981 году вышла в Риге на латышском, — «Я хочу танцевать 100 лет». Издается подлинная рукопись, без цензурных правок и идеологических «ножниц». И вот эту книгу мы дополнили воспоминаниями коллег и друзей отца. Причем не только знаменитых людей с громкими именами, но и зрителей... Марис Лиена был в жизни чудовищно одинок. Думаю, он не отдавал себе отчета в этом и вряд ли об этом размышлял. Всю жизнь его окружали люди, он сам искал общения — но душа незащищенная совершенно. И при этом страшно ранимая. Его отставание возможности работать, танцевать дома и в мире — это форма защиты. Танец — последнее прибежище.

Насчет лояльности... Может быть, он и шел водку с нужными людьми, но чего-то в его карьере не хватало. Наверное, искренности. Он все-таки хотел доказать свою правоту прежде всего танцем, а этого было недостаточно...

— Он был конфликтен?

— Он был прямодушен. И очень требователен. Сам вкладывал нереально много — и того же хотел от других. Это касается всех, будь то партнерша или руководство. Не был дипломатом, знал, как должно быть, — и добивался этого. Его не терпели, потому что он не мог спокойно видеть такое: завтрупой балета ГАБТа был человек, который в бытность актером толкал фуруку в «Спартак». Отец не переносил бездарностей, пролезших наверх только из-за личной преданности начальству. И он не любил уступать глупости, пусть даже с риском для карьеры. Папа был на гастролях в Париже, когда Рудольф Нуриев поставил в Гранд-Опера «Ромео и Джульетту». Разумеется, советским артистам было строго запрещено смотреть премьеру. А отец не только пришел, но и говорил с «изменником Родины», и Рудольф иронически подписал отцу программу: «На добрую память — ха-ха!»

— Драма Мариса Лиены заключалась в слишком сильной любви к Большому театру, который его одно время тоже любил — а потом перестал отвечать взаимностью. Артист зачат от безответного чувства...

— Это абсолютно точно. Несмотря на колоссальный успех за границей, он всегда рвался на эту сцену, к этому зрителю. Жил с чувством — творить можно только здесь, это — воплощение балета и говорил: «В этом здании я готов открывать двери в нотной

Марису Лиене 27 июля исполнилось бы 60 лет. Он ушел из жизни, не дожив до старости, — стало нечем дышать в искусственно образованном вакууме. Тем более тотальном, что Лиена познал ослепительное счастье признания. Многолетнее премьерство в Большом театре. Танец-веха, равно признанный великим и поклонниками, и профессионалами. Потрясающий сценический магнетизм, создавший личный театр — в балетах Петипа и Григоровича.

Разговор с дочерью Мариса Эдуардовича, солисткой ГАБТа Илзе Лиена — воспоминания об удивительном артисте. И об эпохе, вместившей не объяснимый никакими социальными причинами художественный взлет в балетном исполнительстве. Они выступали в Большом театре в одно время — Васильев, Максимова, Лавровский, Тимофеева, Бессмертнова, Лиена... Они не всегда ладили в жизни, но в историю искусства войдут плеядой, создавшей «золотой век» московского балета.

библиотеке». Когда Андрис захотел работать за границей, потому что из-за конфликта Григоровича с отцом сына ставили только в хордебалет, папа его заклинал: «Только не бросай театр». Не мог себе представить, как это возможно.

Это — в большой степени тоже черта всего отцовского поколения. Оно воспитывалось на этой гордости лучшим в мире балетом, лучшим театром. Когда вся жизнь вне искусства кажется серой, а искусство ассоциируется с Большим театром.

— Но после ухода из Большого ваш отец работал с Борисом Эйфманом, сделал с ним Рогожина в балете «Идиот»...

— Да, но тогда ситуация в балете была полярной: либо ты в Большом театре, либо ты — ничто.

С Эйфманом связана удивительная история, почти мистическая. Когда я готовила вечер памяти отца, то поехала в Петербург — и случайно попала на концерт современной хореографии. Увидела номер, поставленный Эйфманом — «Реквием балерины». И поняла, что именно этот номер должен открывать мемориальный вечер Мариса Лиены. Подошла к Борису Яковлевичу, попросила разрешения. А он меня

дят в премьеры... Балет — это лотерея, и отец боялся ее жестокости. Когда я поступила в хореографическое училище, он мне сказал: «Илзе, запомни — с этого момента твое детство закончилось».

— И не жалеете о выборе?

— Нет, но у меня и Андриса представление о работе, о своем назначении, о месте балета в жизни совсем иное, чем у отца. Мы живем не ради профессии, как жил он. Скорее, профессия — это путь, который дан человеку для реализации внутреннего мира.

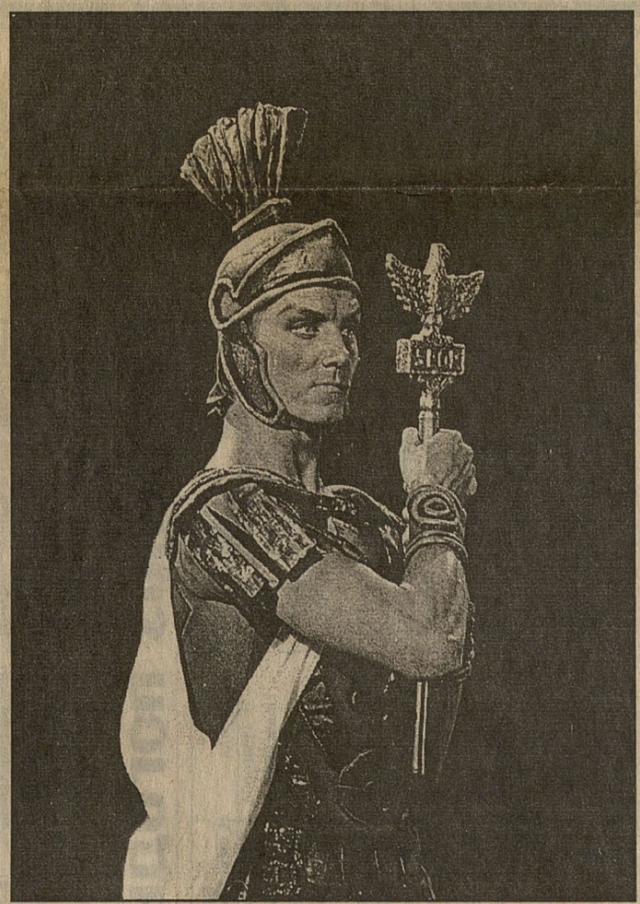
У меня есть вера, есть Бог, у отца было иначе. Он верил, но верить и жить по вере — разные вещи. Многим людям его поколения не открылся истинный смысл жизни — преобразование вашей худшей данности в вашу лучшую данность, где искусство — лишь одна из возможностей. Будь в его душе этот стержень, который помог бы ему сместить приоритеты — от главенства балета на другие точки опоры — и не случилось бы того, что случилось. Он бы не столь безнадежно переживал ситуацию без танца.

— Если б он уехал, его ждала всемирная слава, как у Барышникова или Нуриева...

— Это невозможно — здесь

ЯВЛЕНИЕ ЛИЕНЫ

«Отец был в жизни чудовищно одинок», — говорит Илзе Лиена

Марис Лиена в роли Красса в балете «Спартак».

спрашивает: «Разве вы не знаете, что «Реквием» ставился специально для вашего отца и Алы Осипенко?»

— Наверное, в детстве Марис Эдуардович был для вас с братом центром Вселенной?

— Для меня отец всегда был и есть идеал мужчины. До сих пор, когда я прохожу мимо витрин мужских магазинов, мысленно выбирая вещи, которые нравятся, — всегда отличаю то, что понравилось бы ему. Папа всегда носил одежду высокого класса, особо следил за обувью — берег ноги как «главное достояние» балетного артиста. Любил высокие ботинки из шикарной кожи, легкие и элегантные. Умением одеваться владел виртуозно — носил дорогую одежду так, будто она нечто несущественное. Его всегда было видно за костюмом.

— Лиена, конечно, ценил то, что давало ему положение премьера ГАБТа — славу, деньги...

— Конечно. Он не был бесребреником. Но и прагматиком чистой воды тоже не был. Радостью внешним признакам успеха, потому что хотел, чтобы награда соответствовала его усилиям. Тогда на ГАБТе сосредоточивалось восторженное внимание, толпы каждый вечер стреляли «лишний билетик»... Для артиста это важно.

— Вы пошли в балет по желанию отца?

— Все получилось само собой, отец как раз и не очень хотел, чтобы мы шли в балет. Потому что в нашей профессии все непредсказуемо. В 10 лет, когда начинаешь учиться, решается вся жизнь ребенка — а что будет потом? Самые, казалось бы, способные, с природным слухом и врожденной выносливостью, оказываются бездарными, а аутсайдеры выхо-

помню различие его настроений «до» и «после». Перед началом он бывал очень нервозен, дома на кухне летели кастрюли... Вообще, когда он собирался в театр на спектакль, лучше было сидеть тихо и не попадаться на глаза.

Папа брал меня с собой в гримерную. Я садилась в угол и смотрела, как он гримируется (всегда гримировался сам и делал это блистательно), а отец ворчал: «Не смотри под руку». Но иногда он, наоборот, сажал меня рядом и говорил: «Ну, давай пофантазируем, какой у нас сегодня будет Альберт. Пусть у него будут голубые глаза и нрав пылок влюбленного». «Жизель» отец танцевал как шахматную партию, которую каждый раз можно разгрызывать по-иному. Не случайно у него было так много костюмов и для первого, и для второго акта — они менялись в зависимости от настроения. Ему никогда не было скучно танцевать классический спектакль хоть в сотый раз.

— Кого в театре Марис Лиена считал своим соперником, кого ценил?

— Был знаменитый «звездный» класс, который вел в ГАБТе Асаф Мессерер. Там занимались все ведущие солисты, и они отдавали должное взаимной талантливости. Отец очень ценил Владимира Васильева, из партнерш любил танцевать с Мариной Кондратьевой. Она очень деликатный человек, у них был психологический контакт, и получались хорошие спектакли. Последний свой «Спартак» отец танцевал с Иреком Мухамедовым и был этому рад. Все повторял: «Как згорело, что я танцую с этим молодым и дерзким!» Он любил все неординарное. Мне мама рассказывала: когда в 1969 году отец увидел на московском балетном конкурсе Михаила Барышникова, он, придя домой, потрясенно плакал, говорил: «Такого просто не может быть!»

— Живя в России, ощущал ли Лиена свою «балтийскую» ментальность?

— В молодости он безумно хотел уехать из Риги. Когда после окончания училища в Москве его не распределили в ГАБТ, а отправили домой, укреплять «национальные кадры» — это была для него катастрофа. Он признавал: только в Москве он достигнет того, что хочет. Поэтому, приехав сюда, ни на что не обращал внимания. Москву считал судьбой, а в судьбу отец верил. Когда был еще учеником, записал на уголке дневника, заклеив для будущего: «Я буду танцевать Принца в Лебедином озере». (Ему все говорили тогда — быть тебе характерным танцовщиком, «для классики данных нет».)

— Что он любил в жизни?

— Любил рисовать, делал графические серии, одинокие цветы на белом. У меня на шкафу стоит глиняный кувшин, на котором он изобразил свою поклонницу — была такая знаменитая балетоманка Лиля-Большая, как ее все звали. Она отца обожала, называла его «сынок», а мы с Андрисом были «внучки».

Еще — прекрасно фотографировал, делал фотопортреты балерин — Семеняки, Голиковой, Леоновой, Кондратьевой. Писал сентиментальные стихи — и сочинил целую поэму, посвященную балетной миниатюре Фокина «Видение розы». Обожал украшать квартиру — у нас было столько безделушек... Отец не просто разыскивал в антикварных лавках, но и все о них знал. О саксонском фарфоре имел много книг, разбирался в клеймах, мог отличить подделку. И при этой перегруженности вещами в доме никогда не было налета мещанства.

— А как он поселился в квартире знаменитой балерины Екатерины Гельцер?

— Наш дом построен в 20-е годы, специально для именитых артистов «старого режима», принявших революцию. Все квартиры делались по спецпроекту, у Гельцер была огромная, многокомнатная, с кабинетом, балетным залом и бассейном, с мрамором и лепниной. После ее смерти эти хоромы разделили на две квартиры — одну дали дирижеру Александру Копылову, вторую — нам. Перед моим рождением мама сказала отцу: «Иди и не возвращайся, пока не получишь квартиру». Они тогда жили в семиметровой комнате на Кутузовском проспекте, и маленький Андрис загорал между окнами, больше его некуда было положить.

— В ноябре в ГАБТе состоится вечер памяти Мариса Лиены...

— Это была инициатива нашей семьи, но в театре все отнеслись к этому с энтузиазмом, руководство оказывает поддержку. Будет показан балет «Шехерезада» в исполнении Мариинского театра. Отец ведь восстановил на русской сцене фокинское «Видение розы», хотел сделать и «Шехерезаду», но не успел. Андрис поставил балет в Петербурге, осуществив отцовскую мечту.

И еще будут фрагменты из тех спектаклей отца, которые он считал самыми удачными: «Жизель», «Спартак», «Ромео и Джульетта», «Легенда о любви», «Лебединое озеро».